

Тан Хуай не спал. Он только что вышел из душа — на бёдрах одно полотенце, волосы мокрые, стоял у кровати и вытирался.

Услышав, как открывается дверь, он удивлённо обернулся. В тёмных глазах непривычно мерцало что-то мутное.

Увидев Сун Цинсюя — чуть отвернулся.

Как бы ни был толстокож Тан Хуай, встретиться с объектом своих фантазий сразу после того, чем он только что занимался, было слишком. Тем более когда в его воображении сценарий был... крайне непочтительным по отношению к Сун Цинсюю.

Сун Цинсюй выглядел так, будто его только что разбудили: веки тяжёлые, губы то сжимались в нитку, то капризно оттопыривались — обиженный кот. Он молча прошёл и сел на кровать Тан Хуая, уставившись на свои ноги.

И тут Тан Хуай заметил: Сун Цинсюй был босиком.

Он не знал, что случилось, но видел — сейчас Сун Цинсюй не хочет разговаривать. А в подобных случаях для Тан Хуая всё остальное переставало существовать. Он был адептом Сун Цинсюя. Если Сун Цинсюю плохо — для Тан Хуая наступал конец света.

Он вернулся в ванную, промыл полотенце тёплой водой и вышел обратно. Присел на корточки перед Сун Цинсюем и начал вытирать ему ноги.

Широкая ладонь обхватила тонкую щиколотку — как хрупкий стебель лотоса: нажми чуть сильнее — и на коже останется невосстановимый след. Или просто сломается.

Они оба — мужчины, оба почти не бывают на солнце, но кожа Сун Цинсюя — невозможно белая, нежная, гладкая, как молочное тофу. Тан Хуаю каждый раз хотелось надкусить.

Ноги были чистые — только один коридор, — но Тан Хуай всё равно тщательно протёр каждый сантиметр. Потом положил ступни Сун Цинсюя себе на бедро и тихо спросил:

— Хочешь тапочки или одеяло?

По сути — это был вопрос: останешься?

За те минуты, что Сун Цинсюй просидел на кровати Тан Хуая, он уже почти успокоился. Утренний ужас отступил.

Его последнее время определённо разбаловали. Тан Хуай что — нянька? Малыша утешает?

Сун Цинсуй с чувством наступил ему на бедро — дважды:

— Тапочки.

Тан Хуай встал, чтобы принести. Но Сун Цинсуй ткнул его ногой в поясницу:

— Не мои. Твои хочу.

Спина Тан Хуая мгновенно окаменела. Кадык дрогнул.

— Мои большие. Тебе будут не по размеру.

— У меня тоже нога большая. И домашние тапочки я специально беру на два размера больше — люблю просторные, удобно. Нельзя, что ли?

Капля воды скатилась с непросохших волос Тан Хуая, побежала по спине вдоль позвоночника — и коснулась кончиков пальцев Сун Цинсюя.

Он отдернул ногу как ужаленный. И с опозданием осознал, что его слова можно было истолковать весьма двусмысленно.

Подтянул ноги, сел по-турецки — вернее, как Тан Хуай когда-то научил его: ступни вместе, колени врозь, прижать к полу. Не самый правильный вариант, зато требует хорошей растяжки.

Тан Хуай незаметно несколько раз глубоко вдохнул, потом полез в нижний отсек шкафа и достал пару новых тапочек. Белые. Та же модель, что и его собственные, но на два размера меньше.

Поставил перед Сун Цинсюем и как можно более деловым тоном сказал:

— Новые. Не ношенные. Надевай.

В каком случае человек покупает пару тапочек такой же модели, но другого размера?

Ответ — очевиден. Вопрос — лишний.

Сун Цинсуй вдруг понял: если убрать из хронологии годы разлуки, Тан Хуай всегда относился к нему хорошо. Искренне. Заботливо. Не снисходительно — а на равных.

Он не стал спрашивать «почему». Не сейчас. Скоро начнётся плей-офф. Вот когда закончится весенний сплит — тогда он сядет с Тан Хуаем лицом к лицу и поговорит. Начистоту.

Он готов был поверить, что история четырёхлетней давности — недоразумение. Если бы Тан Хуай и правда был таким отвратительным, каким казался тогда, — зачем ему сейчас всё это делать?

Тем более что они уже...

Уже делали настолько интимные вещи.

Сун Цинсюй знал: среди мужчин хватает тех, кто в постели думает только о себе. Но Тан Хуай — не из таких. Каждый раз он заботился о нём до последней мелочи. Скорее сам оставался не до конца удовлетворённым.

При этой мысли в памяти всплыл сон. Из ниоткуда.

Учитывая, в какой обстановке они происходили, Сун Цинсюй больше не верил, что этот «драймер» — его фанат. Скорее — ненавидит его. И хочет через эти сны унижить.

А ещё — его собственная кровать стала вызывать у него что-то вроде ПТСР. В ближайшее время он не хотел её видеть.

Сун Цинсюй надел тапочки, потоптался — удобно. Довольно улыбнулся:

— Мои теперь. Давай, суши волосы. Я за вещами.

Развернулся и вышел, оставив Тан Хуая гадать, что значит «за вещами».

Тан Хуай стоял в ванной с феном в руке. Нервничал — и не заметил, что включил холодный режим. Впрочем, было неважно: с того момента, как Сун Цинсюй вошёл в его комнату, ему было жарко.

Если бы не полотенце — выглядел бы, как извращенец. Ему хотелось раздеться догола и простоять под ледяным душем минут сорок — иначе жар внутри не сбить.

Что Сун Цинсюй пошёл брать?

Что вообще за эти несколько часов произошло?

Он видел перемену. Раньше Сун Цинсюй относился к нему как к тиммейту. Ну, или как к

тиммейту, с которым волей обстоятельств начались интимные отношения.

Теперь — далеко за пределами «тиммейта».

Сун Цинсюй не стал бы капризничать с тиммейтом. Не показал бы такое — своевольное, избалованное — выражение лица.

И уж точно не стал бы так наступать кому попало на ногу.

Всё это Тан Хуай знал с абсолютной уверенностью. Никто на свете не понимал Сун Цинсюя в этих мелочах лучше него.

Поведение Сун Цинсюя сегодня — прекрасный сигнал. Как если бы ты тридцать часов простоял в пробке — и вдруг машина впереди завела двигатель.

Но помимо радости, Тан Хуай заставил себя думать: что именно запустило эту перемену?

Безоговорочная поддержка в игре? Ожидание в коридоре ресторана?

Он перебирал каждую деталь сегодняшнего дня и дошёл до момента на сцене, когда Сун Цинсюй снова вошёл в его комнату.

Тан Хуай выключил фен — волосы почти высохли.

Перед ним стоял Сун Цинсюй с охапкой флаконов.

Сун Цинсюй посмотрел на его волосы. Нахмурился:

— Ещё не высушил. Продолжай.

Он расставил свои баночки на раковине, задержал взгляд на фене — и, когда сердце Тан Хуая уже подпрыгнуло к горлу, вышел из ванной.

Ровным голосом:

— Сушись быстрее. Поздно уже, завтра выходной — не повод так поздно ложиться.

Не стал ему сушить волосы.

Тан Хуай выдохнул с облегчением — и одновременно ощутил укол разочарования.

Переключил фен на горячий и быстро досушил. Если бы не вопрос внешности, он бы обрился наголо — протёр и готово. Но Сун Цинсюю, наверное, не понравится, если у него будет слишком короткая стрижка.

Тем временем Сун Цинсюй лежал на его кровати и, нагло захватив подушку, устраивался поудобнее. Он хотел было принести свою, но передумал: вдруг вместе с ней перенесётся и кошмар?

Мысли текли, и глаза закрылись. Сна ещё не было — он просто заранее готовился, нагоня сонливость, боясь снова промучиться до утра.

Тан Хуай вышел из ванной, увидел эту картину — и тихо, в темноте, лёг рядом.

Подушки ему не досталось, так что под головой оказалась диванная подушка-валик — не идеал, но сейчас было не до комфорта: он всё ещё перебирал сегодняшний день.

В этот момент Сун Цинсюй придвинулся — и целиком забрался к нему в объятия. А потом потёрся щекой о его голую грудь.

Тан Хуай сглотнул — громко. Сун Цинсюй с опозданием осознал, насколько естественно и одновременно интимно выглядит то, что он делает. Уши вспыхнули — но подумал: они ведь ещё не вместе. Так лежать — это вроде бы... неправильно.

Он уже собрался отползти на свою половину — но Тан Хуай обнял его одной рукой и прижал к себе.

Тихий голос в темноте:

— Расскажешь — почему?

Он не пытался угадать. Просто после стольких провокаций — терпение и рассудок были на пределе. Бóльшая часть умственных ресурсов ушла на подавление желаний; на анализ не осталось ничего.

Сун Цинсюй уткнулся лбом ему в грудь. Уши горели. Щёки — тоже.

Хорошо, что Тан Хуай выключил свет, — подумал он. — Иначе бы увидел: лицо краснее лобстера, которого они ели за ужином. Позор.

— Не сейчас, — глухо ответил он.

Он не мог. Причина снов — неизвестна. Человек из снов — неопознан. Если рассказать — будет выглядеть так, будто у него расстройство. А он не хотел этого.

Для Тан Хуая эти слова прозвучали однозначно: «Хочу наслаждаться двусмысленностью, но давать определение — не готов».

Тан Хуай не считал это чем-то плохим. Наоборот — немного обрадовался. Жалел только, что не додумался до такого раньше: если бы с первого дня на базе он мог засыпать, обнимая Сун Цинсюя, — он бы так и делал.

Сун Цинсюй молод. Ему хочется побыть в этой зыбкой, приятной неопределённости — пусть. Партнёр — он. Не кто-то другой.

Тан Хуай был уверен: рано или поздно он покорит его окончательно. Заставит Сун Цинсюя сказать. Он готов ждать. Сколько угодно.

Он погладил Сун Цинсюя по спине:

— Спи. Спокойной ночи.

Сун Цинсюй пробурчал:

— Хорошо бы спокойной. Пусть больше не снится.

Экран телефона на тумбочке вспыхнул. Уведомление — личное сообщение в Weibo:

[Серьёзно, ты опять? Быть дримером натурала — не противно? Это уже сексуальное домогательство, ты в курсе?]

Никто не посмотрел. Экран погас.

<http://bllate.org/book/18105/1736443>